

ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ УЧЁНЫХ*

А.Г. Табрум

Один враждебный христианству писатель закончил следующими словами свой труд, изданный несколько лет тому назад: «христианство не согласно с истиной». Автор этот утверждает, что ошибочность христианства доказана, главным образом, наукою, которая, по убеждению этого и других рационалистических писателей и лекторов, выяснила будто бы, что вера в Бога неразумна, что бессмертие – химера и бессмыслица, а свобода воли – иллюзия. Материалистический монизм, претендующий на научную обоснованность, говорят нам, не только разрушает существеннейшие принципы теистической философии, но уничтожает и все основы религий и обнаруживает, что противоречие между наукой и христианством не только есть, но что оно непрерывно возрастает, вследствие чего люди науки оказываются материалистами, атеистами, агностиками, противниками христианства и должны быть таковыми.

Что эти и тому подобные утверждения действительно высказываются выдающимися выразителями так называемой «свободной мысли» и не представляют собою мнений только одних невменяемых дилетантов, – это можно видеть из книги Блатчфорда «Загадка вселенной» и из другой, написанной в её защиту Джозефом Мак-Кэбом [1]. М-р Мак-Кэб, сославшись между прочим на Гёксли и Клиффорда, пишет: «...они исповедовали агностицизм; а замалчивание религиозных вопросов огромным большинством учёных, особенно в виду жадного стремления Церкви привлечь к своей платформе даже заведомо наименее к ней расположенных, должно быть истолковано в том же смысле». Иными словами, м-р Мак-Кэб утверждает, что огромное большинство учёных *должны быть* агностиками.

Позднее, на годичном обеде «Ассоциации рационалистической прессы» (общества антихристианского и антирелигиозного), тот же автор, говоря о некоторых европейских учёных и о тех, которые 50 лет тому назад боролись

* Табрум А.Г. Религиозные верования современных учёных / пер. с англ.; под ред. В.А. Коженикова и Н.М. Соловьева. – Изд. 2-е. – М.: Книгоиздательство Творческая мысль, 1912.

за «свободную мысль», заметил, что «даже сэр Оливер Лодж должен был бы ближе стоять к нам теперь, чем раньше; а за исключением его, *ни один учёный* – не против нас [2].

Верны ли, согласны ли с истиною эти утверждения? Доказывают ли факты их неопровержимость? Прав ли м-р Мак-Кэб и мыслители агностической школы, представителем которых в данном вопросе является он? У непредубеждённого читателя после чтения последующих страниц может быть только один ответ, и ответ этот *не будет утвердительным*.

Но прежде чем излагать взгляды людей ещё здравствующих и недавно умерших, я сделаю краткий обзор отношения к религии учёных предшествовавших нам поколений. До опубликования «Происхождения видов» великие исследователи природы, основатели современной науки, были убеждёнными христианами: Бойль и Дальтон, столь известные трудами в области химии, Йонг (Young), которому принадлежит столь важная роль в установлении волнообразной теории света, прославленный Гёмфри Дэви и Джемс Прескотт Джоуль, основатель современной теории сохранения энергии – вот несколько относящихся сюда примеров. Ниже мною будут отмечены другие, в равной степени выдающиеся учёные того же периода.

Но с появлением работы Дарвина, положившей начало новой эпохе в науке, все словно изменилось. «Происхождение видов» и то, что из этого труда могло быть выведено, сообщили совсем иное направление научной и философской мысли. Тем не менее можно ли утверждать, что воззрения, заключающиеся в труде Дарвина, в связи с возросшим накоплением научных фактов, привели самих учёных к отрицанию «центрального» и «существенного» в учении христианства? Рассмотрение президентских и секционных речей, произнесённых перед Британской Ассоциацией для прогресса науки [3], раскрывает тот факт, что многие вожди знания, как сэр В. Ферберн, сэр В. Армстронг, проф. Джон Филиппс, сэр Джордж Стокс, лорд Кельвин, д-р В.Б. Карпентер, профессора С. Вилльямсон, Т. Андриус, д-р Олльмэн, д-р Дж. В. Сименс, сэр Дж. В. Доусон и др., без всяких колебаний заявляли перед лицом научного мира, что сама Вселенная является уже свидетельством бытия Божественного Разума, доказательством Бога. Мало того! Проф. Дж.Г. Гладстон, столь близкий в течение своей продолжительной научной карьеры к Британской Ассоциации, писал [4]: «Я знал это учреждение под председательством сорока одного президента; все они были выдающиеся мужи науки, за исключением двух-трёх, избранных по другим основаниям. Обозревая их, я насчитываю из них двадцать таких, которые, судя по их публичным или частным заявлениям, были людьми христианской веры и христианского склада жизни, тогда как, судя по подобным же признаниям, *только четверо* не верили в божественное Откровение; из остающихся семнадцати некоторые были, может статься, верующими, а другие, может быть, противниками веры».

Однако, пожалуй, спросят: ну, а каковы были те, что занимали президентское кресло в Ассоциации после того, как д-р Гладстон напечатал в 1886 г. свою (приведенную нами) статью?

Ответ будет тот, что многие из них: В. Флауэр, Ф. Эбель (Abel), Дуглас Гальтон, Дж. Эванс, В. Тёрнер, Джапп, Дэвид Джилль, Джон Пэрри, Г.Е. Армстронг, Е.В. Брадбрук, Г.Б. Тристрам, Дж.Дж. Томсон, высказались [5] в выражениях, сходных с заявлениями их предшественников, признавая, что, по мере расширения знания природы и её сил, тем более крепко в этих учёных убеждение в необходимости существования творческой причины – Бога. Сверх того, Джордж Стокс, письма коего появляются здесь с разрешения его сына, Артура Стокса, указал на то, что «некоторые скептики полагают, будто учёного можно основательно счесть за неверующего, если только он не высказывался письменно в противоположном смысле. Но такое заключение, очевидно, несправедливо: могут быть скептики и из учёных, но я убеждён, что их – ничтожное меньшинство. Из слышанного мною в «Зале Брадло» я был поражён тем, что некоторые скептики, нападая на изображаемое ими христианство (по честному ли невежеству или ради умышленного искажения, – сказать не могу, хотя и склонен к признанию скорее честного невежества), нападали в действительности только на полную карикатуру христианства».

2-го сентября 1897 г. о знаменитом математике проф. Кэли (Cayley, † 1895 г.) и об известном кембриджском ботанике Бэбингтоне († 1895 г.) Дж. Стокс писал: «Я знал их обоих очень близко, и обоих – как людей религиозных... Оба были спокойного, скромного и уклончивого склада характера, или если выражение “скрытного характера” для них слишком сильно, то они, во всяком случае, были противоположностью тех, кто любит выставить себя напоказ. Крупная ошибка – предполагать, будто учёный иррелигиозен на основании того только, что он обыкновенно не говорит (кроме разве как в кругу своей семьи) на религиозные темы. Есть пословица: “глубокие воды текут спокойно”, и мне думается, что когда религия глубоко ощущается, о ней говорят немного. Скептик не имеет, следовательно, никакого права предполагать, что учёный нерелигиозен только потому, что он не писал статей или не произносил речей по религиозным вопросам».

На основании этих писем Джорджа Стокса и статьи д-ра Гладстона ссылка м-ра Мак Кэба, применительно к последнему десятилетию, на «молчание огромного большинства наших учёных о религии», как на факт, который должен быть истолкован в том смысле, что они – агностики, сводится к ничем не оправдываемому предположению, и желание перетянуть этих учёных в лагерь агностиков остаётся безуспешным. Теперь посмотрим, справедливы ли утверждения того же автора по отношению к учёным, находящимся в живых. Здоровый скептицизм иногда бывает плодотворен и нужен; и если вышесказанное направлено к возбуждению сомнения в справедливости некоторых утверждений антирелигиозных писателей и лекторов, то по-

следующее приведёт к убеждению, что весь ряд их ссылок, цитированных выше, недостойны принятия.

Несколько лет тому назад под знаменем некоего атеистического общества была прочтена одна лекция, в которой, между прочим, затронута была тема, обычно обозначаемая формулой «Наука и Религия». Если лектор в своём изложении намеревался возбудить сомнение к некоторым положениям христианской религии, то в этом отношении, в лице по крайней мере *одного* слушателя, он достиг цели. Духовное беспокойство у этого слушателя воспоследовало за сомнением, и вот, в конце концов, он, то есть пишущий эти строки, решил обратиться письменно за разъяснениями своих сомнений к некоторым выдающимся представителям науки.

В точности, положения, высказанные вышеупомянутым лектором, были следующие: 1) «научные исследования последнего времени показали, что Библия и религия ложны, и 2) выдающиеся вожди науки иррелигиозны и враждебны христианству».

В каждом моём опросном письме эти утверждения были приведены дословно, причём, признавая крайне недостаточным объём своей собственной начитанности по затронутым вопросам, я констатировал, что все же моя осведомлённость привела меня к заключению, что «между признанными фактами науки и основными учениями христианства, то есть между истинной наукой и истинной религией, нет действительного антагонизма». Далее, после вопроса: «Хорошо ли обосновано это заключение по вашему мнению?», были поставлены следующие два вопроса:

1) Существует ли действительно противоречие между фактами науки и основными началами христианства?

2) В вашем жизненном опыте приходилось ли вам знать учёных иррелигиозных и враждебных христианству?

Первый ответ получился от сэра Джорджа Стокса (скончался в 1903 г.), бывшего более 50 лет профессором математики в Кембриджском университете.

«В продолжение целых 60 лет я смотрел на Стокса как на своего учителя, руководителя и друга», – сказал однажды столь славный в учёном мире лорд Кельвин и добавил: «Своими трудами и мыслью он царил над всею областью естественной философии». Проф. Гёксли писал о нем же следующее: «Нет никого, о ком я был бы высшего мнения, как о научном работнике, никого, под чьим руководством я был бы более рад служить и кого я желал бы поддерживать из года в год в его председательствовании в Королевском Обществе [6. Р. 179]. А для д-ра Гладстона Стокс был «Исааком Ньютоном нашего времени» [6. Р. 76–90]. Более 30 лет он состоял секретарём Королевского Общества и, по оставлении этой должности в 1885 г., был выбран его президентом. Знакомство его с учёным кругом, разумеется, должно было быть очень обширным. И вот что он пишет:

«Я могу ответить сейчас же, и с большим удовольствием, на ваши вопросы».

«Во-первых, что касается утверждения, будто недавние научные изыскания показали, что Библия и религия ложны, то на это я отвечу прямо: этот взгляд совершенно ложен! Я не знаю никаких здравых выводов науки, которые противоречили бы христианской религии. Быть может, и есть кое-какие дикие научные предположения, высказываемые главным образом людьми второразрядного знания, выдаваемые за хорошо обоснованные научные заключения и которые, по свойствам своим, могут вызывать некоторые *затруднения*, если эти *предположения* признать за *истину*; но я не зайду настолько далеко, чтобы говорить о *противоречиях* науки и религии друг к другу, так как, в главных частях, они движутся в разных плоскостях, и едва ли есть поводы для их противопоставления. Если и может возникнуть *кажущееся* противоречие, то чаще всего, мне думается, вследствие заблуждений самих защитников веры, а именно: вследствие выставления этими защитниками на первый план положений, представляющих только человеческие добавления к вере, и вследствие уравнивания того и другого в правах на признание. Говоря об ошибках защитников веры, я разумею не столько учёных современных богословов, сколько богословов прошлых времен, от которых эти наросты перешли в популярную теологию и в предполагаемый состав самой христианской веры. Вот это-то неправильно истолкованная вера и дала в руки антихристиан орудие для нападения на истинную веру, посредством ошибочного включения в неё некоторых неподобающих ей придатков».

«Чтобы пояснить наглядно мою мысль, я сошлюсь на положение, догматически излагаемое, в качестве части христианской веры, в одном классическом труде, написанном, как кажется, сто или двести лет тому назад, а именно: что христианское учение о грядущем воскресении требует веры в то, что все частицы нашего нынешнего тела, как бы ни были они разъединены смертью, даже если бы они были сожжены и пепел их был бы развеян по ветру, будут всё-таки снова слиты воедино и одушевлены вновь, дабы образовать будущее наше тело. Я полагаю, что многие неверующие лекторы распространялись о трудности уверовать в такое положение; но прежде, чем апологет христианства в данном случае вздумал бы сослаться на принцип неограниченного всемогущества Божия, ему не мешало бы решить вопрос: да нужно ли вообще защищать это положение? Я убеждён, что библейское учение о воскресении не включает в себя подобного утверждения, и самая мысль, что оно в учении должно содержаться, кажется мне чрезвычайно наивной. Я сомневаюсь, чтобы в наше время можно было найти хотя бы одного богослова, который смотрел бы на это положение, как на связанное каким-либо образом с христианством; а между тем едва ли неверующие лекторы перестали пожирать лавры от эксплуатации этого положения. Может показаться странным, что я трактовал об этом «теологическом ископаемом», как о ещё живом существе, но это рассуждение, думается, хорошо поясняет мою мысль».

«Во-вторых, вы говорите, что в пределах вашей осведомленности вы полагаете, что истинная наука и истинная религия согласны друг с другом. Я сам держусь того же мнения».

«В-третьих, вы спрашиваете: дал ли мне мой жизненный опыт основание считать величайших учёных людьми иррелигиозными? Отвечаю: мой опыт не только не привёл меня к этому выводу, он привёл меня как раз к обратному заключению. Ограничиваясь одной близкой мне областью математической и физической науки и только теми людьми, которых, хотя и недавно, уже не стало в живых, я не мог бы указать на более выдающихся, всем миром прославленных учёных, чем Фарадей, Клерк Максвелл и Адамс, открывший Нептун. Всех троих я знал отлично, в особенности же Максвелла и Адамса, с которыми был очень близок. Мне положительно известно, что все они были глубоко религиозными христианами».

Лорд Кельвин († в декабре 1907 г.), имя которого как учёного известно всему образованному миру, также был президентом Королевского Общества. Его прозвали «Наполеоном науки» и «Королём учёных». «Ему, – говорит сэр Вильям Рамзай, – мир должен быть вечно благодарным, и величайшая почесть, возможная в человечестве, не будет по отношению к нему чрезмерной». Как и Дж. Стокс, лорд Кельвин был профессором физики в Глазговском университете более чем полстолетие. Вот что он ответил мне:

«Ваше письмо от 16-го я получил и думаю, что вы совершенно правы в выраженных вами взглядах и в том, что истинная религия и истинная наука вполне гармонируют друг с другом».

«Я не нахожу, чтобы выдающиеся учёные были иррелигиозны, хотя, конечно, многие из них ощущают большие затруднения в этом отношении; но я боюсь, что некоторые из более легкомысленных молодых людей, занятых научными изысканиями, не смущаются никакими затруднениями, и вот их-то не без основания можно назвать иррелигиозными».

Лорд Кельвин был членом Англиканской Церкви и Епископальной Церкви Шотландии [7].

Лорд Листер – также бывший председатель Королевского Общества (1895–1900 г.). Он был профессором хирургии в Глазго и Эдинбурге, а с 1877 г., до своего недавнего ухода, в госпитале Королевского Колледжа в Лондоне. Капитальный, прославивший его труд «Открытие антисептического метода в хирургии» вызвал полный переворот в способах лечения ран. «Этим открытием, – говорит проф. Мак-Кэндрик, – он заслужил благодарность всего человечества». Лорд Листер, награждённый многими знаками научного отличия, британскими и иностранными, по всей справедливости признан за одного из величайших людей нашего времени. Его ответ вполне определённый:

«В ответ на ваше письмо я без колебаний скажу, что, по моему мнению, антагонизма между религией Иисуса Христа и каким бы то ни было научным фактом *нет*».

Лорд Рэлей также занимал в научном мире высший официальный пост президента Королевского Общества. «Это, – говорит про него сэр Вильям Гёггинс, – человек мирового знания в науке», первоклассный физик и математик. С 1879 по 1884 г. он был профессором экспериментальной физики в Кембридже, а в 1887 г. стал преемником Тиндаля по той же кафедре в Королевском Институте; с 1887 по 1896 г. был секретарём Королевского Общества, теперь же состоит канцлером Кембриджского университета. Вместе с В. Рамзаем он открыл элемент, известный под именем аргона. Ответ его краток, но захватывает самую суть вопроса:

«Я не имею возможности ответить вам пространно; могу лишь сказать, что, по моему мнению, истинная наука и истинная религия не противоречат друг другу, да и не могут быть противоположаемы».

«Большинство главных вождей науки не иррелигиозные люди и не антихристиане. Доказательство тому – Фарадей, Максвелл, Стокс, Кельвин и многие другие, менее заслуженные. Быть может, впрочем, некоторые из биологов в последнее время усвоили себе анти-теологическую точку зрения».

Свидетельством глубокой религиозности натуры лорда Рэрея являются строчки, написанные им в начале собрания его сочинений [8].

«The works of the Lord are great,
Sought out of all them that have pleasure therein».

Лорд Эвбёри (Avebury), более известный под именем сэра Джона Леббока, – всеми признанный за одного из величайших учёных не только в области антропологии, но и вообще в науке, взятой в её целом. Он состоял последовательно президентом Британской Ассоциации, Энтомологического, Этнологического и Линнеевского обществ, Антропологического Института, Общества Рэя и Статистического, а также вице-президентом Королевского Общества. Это – авторитетнейший знаток нравов насекомых, в особенности муравьёв, пчёл и ос.

Лорд Эвбёри, сославшись на свои печатные труды по предложенному вопросу, пишет:

«Я боюсь, что затронутая вами тема слишком обширна для письма, а потому я должен отослать вас к главам о религии в моих книгах: “Радости жизни” и “Пользование жизнью”. В то же время я могу сказать, что люди науки, по моему мнению, – не антихристиане».

Из его книги «Пользование жизнью» мы делаем следующие извлечения:

«Бесконечное и Абсолютное никогда не могут быть ни объяснены, ни отринуты путём объяснения» [9. Р. 115].

«Гёте назвал культ печали сущностью христианства. Мы же можем быть уверены, что Творец не сделал бы всю природу такою красотою для взора, такою музыкою для слуха, если бы мы не были предназначены для наслаждения всем этим» [9. Р. 16].

«Теология и догмат – только наука о религии, а не самая сущность ея. Христианство, – по словам Друммонда, – преуспевало не только потому, что

оно было божественно, но и потому, что оно в высшей степени человечно. Религия в повседневной жизни является нормою поведения, защитою в благоденствии, пособием в несчастьи, поддержкою в тревоге, прибежищем в опасности, утешением в печали и тихую пристанью мира» [9. Р. 116].

«Помни Творца твоего в дни юности! Чтобы умереть так, как было бы желательно, надо жить, как должно. Добродетельному смерть не страшна» [9. Р. 107].

«Долг относительно ближнего – часть нашего долга перед Богом. Средневековый разбойник, считавший себя “другом Бога и врагом человечества”, настолько же не понимал сущности духа христианства, как и многие другие, менее, чем он, заслуживающие извинения в данном случае. Любовь к Богу лучше всего обнаруживается в любви к человеку» [9. Р. 116].

«Есть благородные мысли у Платона, Аристотеля, Эпиктета, Сенеки и у Марка Аврелия; но у них вы не найдёте Евангелия Любви, высказанного так, как в Новом Завете. Истинно сказал Иисус, что Его Религия – религия новая: “Заповедь новую даю вам: да любите друг друга” [9. Р. 116]. Христианство не зовёт нас жертвовать этим миром для обеспечения себе будущего; напротив, любить заповеданное нам и желать обещанного – вот что увеличило бы наше счастье и здесь и там. Нет действительной разницы между земною и небесною премудростью, ибо Религия освящает и повседневную жизнь» [9. Р. 119].

«Лишить себя этих преимуществ можем только мы сами. Я убеждён, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни власти, ни силы, ни вещи настоящие, ни будущие, ни высота, ни глубина, ни какое-либо из существ живущих не смогут отделить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем. Так, и только таким образом, жизнь станет светлою, мирною и счастливою» [9. Р. 122].

В другом труде, изданном несколько лет тому назад, лорд Эвбёри высказывает следующие мысли:

«Пытаться прибавить что-либо к учению Христа или улучшить его есть суетная и даже дерзкая попытка. Рассуждения богословия, несомненно, глубоко интересны; но они всё же являются лишь наукою о христианстве, а не сущностью его; теология – отрасль науки, а не сама религия: это – упражнение ума, тогда как религия – жизнь сердца».

Вильям Рамзай – самый выдающийся химик наших дней. Он был профессором химии в Лондонском университетском Колледже с 1887 г., в то же время он доктор медицины, доктор прав, доктор наук, доктор философии, член Королевского Общества, почётный член различных учёных обществ в Риме, Франции, Берлине, Богемии, Голландии, С.-Петербурге, Турине в Румынии, Вене, Норвегии и Швеции, почётный член Женевской и Мексиканской академий, философских обществ в Манчестере, Филадельфии, Роттердаме. Кроме открытий, сделанных совместно с д-ром Рэйлеем, проф. Рамзай открыл гелий и другие элементы.

Ответ сэра В. Рамзая пространный и глубоко интересный, но автор против опубликования его в этой книге; однако он разрешает высказать, что в общем он согласен с заключениями, выраженными в моём письме, и полагает, что между существенными истинами христианства и установленными фактами науки действительного антагонизма нет.

Генри Роско, член Королевского Общества, много лет был заслуженным профессором химии Колледжа Оуэна в Манчестере; имеет степени доктора почти от всех британских университетов; состоял президентом Британской Ассоциации, Химического Общества и вице-канцлером Лондонского университета. Сэр Роско отвечает так:

«Ваша опросная записка заключает в себе много трудностей для ответа; не имея возможности, за слишком большим недосугом, дать подробный ответ, я должен ограничиться двумя словами, а именно что многие выдающиеся учёные были хорошими сынами Церкви».

Вильям Крукс – другой известный химик, за свои работы получивший множество отличий. Он открыл в 1861 г. таллий; был президентом Британской Ассоциации и Химического Общества; в продолжение многих лет издавал «Химические Новости»; доктор наук (Оксфорд, Ирландия, Капланд), член многих научных обществ. В письме от 15-го октября 1897 г. он сообщает:

«Ваши заключения совершенно здравы. Я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными учениями Священного Писания, между научной истиной и религией Иисуса Христа. Из целого сонма выдающихся мужей науки, придерживающихся того же мнения, достаточно указать на такие имена, как Фарадей и Дж. Стокс».

Джон Г. Гладстон († в октябре 1902 г.) был профессором химии в Королевском Институте с 1874 по 1877 г., состоял президентом Физического Общества с 1874 по 1876 г., президентом Химического Общества с 1877 по 1879 г. «Гладстон, – сказал сэр В. Дьюар в 1898 г., – прошел свой долгий и блестящий научный путь при неустанной любви к науке. Более того, он создал совершенно новую отрасль знания, называемую физической химией. В этой области он работал в продолжение полустолетия». В 1897 г. ему была присуждена медаль Дэви «за обширность и ценность его химических и физических изысканий в продолжение 49 лет». Гладстон был членом Комитета «Общества доказательств истины христианства» (Christian Evidence Society).

В ответ на моё письмо проф. Гладстон прислал оттиск своей речи, произнесённой на годовичном собрании «Молитвенного Союза Лондонских Банков» (London Banks Prayer-Union), из которой я привожу один отрывок:

«Начнём с Христа в Вифлееме: первые пришедшие к Нему были бедные крестьяне, но следующие за ними были учёные... Переходя к позднейшим векам, мы находим, что такие люди, как Коперник, Тихо-Браге и Кеплер, были людьми христианского духа, готовыми приписать Богу все свои способности и воздавать хвалу Ему. Обращаясь к нашей родине, мы находим таких людей (буду говорить лишь о выдающихся), как Бэкон. Я не говорю, что он был праведным человеком во всех отношениях, но известно, что он

был не только верующим, но и писателем-христианином. Его творения содержат не одну возвышенную философию, но и много религиозных назиданий. Далее мы встречаемся с Ньютоном; более величавого имени нам не называть, имени великого во многих отраслях науки, быть может, даже величайшего из всех. И в то же время он был благочестивым христианином, не стыдившимся писать религиозные труды. Я мог бы перейти к таким именам, как Роберт Бойль, этот «отец современной химии», или Кювье, один из величайших анатомов. Потом я мог бы указать на Майкла Фарадея, бывшего смиренным христианином и старавшегося разными путями исполнять дела христианского милосердия. Позвольте также мне упомянуть Гершеля, Давида Брюстера и Клерка Максвелла, людей известных за христиан, судя по словам и трудам их. Если вы спросите, чьё имя из ныне здравствующих учёных выше других стоит в физике, вероятно, многие вам назовут кембриджского профессора Стокса, другие же Уильяма Томсона (лорда Кельвина), профессора университета в Глазго, людей верующих во Христа. Если мы обратимся к биологической отрасли знания и спросим: чьё имя здесь выше всех? Нам, вероятно, напомнят о ветеране науки Ричарде Оуэне, вклады которого в изучение естественной теологии хорошо известны. 12 дней тому назад, в годовщину Королевского Общества, медали были розданы: профессору Флауэру, капитану (теперь сэру) Вильяму Эбнею, проф. Кэли и лорду Рэлею – опять не малое доказательство того, что те, которые занимают высокое положение в науке, оказываются верными учениками Христа» [10].

Бальфур Стюарт († 1887 г.), профессор физики Колледжа Оуэна в Манчестере, пользующийся высокой репутацией как физик, написал много научных руководств: «Трактат о теплоте», «Начала физики», ряд статей для «Британской Энциклопедии»; считается одним из основателей метода спектрального анализа. Об этом, ныне почившем учёном супруга его миссис Стюарт, пишет: «Могу вас уверить в его твёрдой вере в религию Христа».

В 1877 г. профессор в речи, произнесённой перед собранием «Christian Evidence Society», сказал: «Отношение между наукой и религией неправильно было называемо отношением враждующих сторон; этого нет, и никоим образом быть не может. Спор не между наукой и религией, а между некоторыми богословами и учёными, и в такой спор, без сомнения, бессознательно, но ещё и до сих пор широко, входит то, что в научной фразеологии определяется термином «личного уравнивания» [11. Р. 36].

Обсуждая достоверность чудес воскресения и вознесения Христова, он замечает: «Сохранялось ли в неизменности действие известных (нам) сил природы в этих случаях или же оно было иногда преодоляемо высшею силой? Несомненно, преодолевалось! Безошибочно можно сказать, что так было при воскресении и вознесении Христовом. Конечно, мы обязаны исследовать очевидность этих великих событий, и это уже исполнено самым совершенным образом: история, повествующая об этих событиях, выдержала испытание настолько хорошо, что всякое предположение о нереальности их, несомненно, приведёт нас к величайшей нравственной и духовной путанице.

Даже наши противники принуждены согласиться с этим; но они все-таки возражают нам, что они скорее готовы пережить эти нравственные и духовные затруднения, нежели ту *умственную* путаницу, которая, по их мнению, необходимо следовала бы из веры в то, что эти великие события действительно случились. Но я отрицаю, будто такая умственная путаница в данном случае есть. Я не вижу основания не допускать возможности случайного изменения обычных сил силами высшими при тех условиях, которыми сопровождалось пришествие Христа» [11. Р. 39–40].

П.Г. Тэт († в июле 1901 г.), математик и проф. физики в Эдинбургском университете с 1860 по 1901 г., был доктором наук и членом многих научных обществ; вместе с лордом Кельвином написал «Естественную философию Томсона и Тэта»; был одним из авторов книги «Невидимая вселенная». Он отвечал мне:

«Если вы имеете возможность прочесть “Международное Обозрение” (Нью-Йорк, ноябрь 1878 г.), то в моей статье, помещённой там и являющейся ответом г-ну Фроуду, вы найдете полный ответ и на ваши вопросы. Вы встретите их также в одном из последних изданий книги “Невидимая вселенная”; но там они выражены не столь определённо».

Из указанной им статьи взяты следующие выдержки: «Предполагаемая несогласимость религии и науки настолько часто и уверенно провозглашалась за последнее время, что она стала считаться положением общепризнанным у публицистов, и, разумеется, преподносится ими в качестве заведомой истины своим чересчур доверчивым читателям. Но это предвзятое мнение – всецело ошибочно, настолько ошибочно, что ни один настоящий учёный не рискует, по крайней мере в Англии, впасть в эту ошибку» [11. Р. 727].

«Когда мы спрашиваем, – пишет профессор, – какого-либо компетентно-авторитетного человека: кто наиболее выдающиеся, лучшие, способнейшие из научных мыслителей последнего времени, нам называют следующие имена: Брюстер, Фарадей, Форбс, Грэхам, Роуан, Гамильтон, Гершель и Тальбот. Таков и должен быть ответ, если только слово «наука» мы не хотим употреблять в искажённом смысле. Но спрашивается, кто же из этих великих людей отказывался от убеждения, что природа доказывает существование Высшего, направляющего к цели Разума (a Designing Mind)?» [11. Р. 725].

Профессор Тэт, бывший сам искренним христианином, отметил одну из отличительных черт христианства – его всеобщность: «В то время как почти все религии заключают в себе внешний смысл для необразованных масс и внутренний для более учёного и поэтому господствующего духовенства, система христианства одинаково взывает к вере *всех*, требуя, чтобы *все*, в присутствии их общего Отца, отказывались от своего кажущегося превосходства над другими и, открыто сознаваясь в своём абсолютном недостоинстве, которого они не могут не чувствовать, приближались бы к Искупителю с детскою простотою и доверчивостью» [12].

Уильям Эбней, доктор наук, член Королевского Общества, советник отдела воспитания в департаменте наук и искусств с 1903 г.; председатель Общества Искусств с 1904 г.; президент Королевского Астрономического Общества с 1893 по 1895 г.; президент Физического Общества с 1895 по 1897 г.; авторитет по фотографированию неба – ответил следующее: «Я занимаюсь науками и должен, по совести, сказать, что не только нет вражды между Библией и естествознанием, но что мы имеем дело как раз с обратным явлением. Наука говорит нам, что существуют известные законы в природе; там же, где есть законы, там должен быть и законодатель – Бог. Изучающий естественные науки, во всяком случае, должен быть человеком, проникнутым благоговением, так как эти науки вещают нам, сколь далеки мы от познания такого Законодателя».

«Учение о спасении не даётся и не может быть дано наукою; оно – дело веры, и, как таковое, лежит вне обнаружений, доступных науке, но сомневаться в истинности этого учения, поскольку оно изложено в повествовании о нем, настолько же невозможно, как и в том, что Георг I жил и умер. Если есть Высший Разум, чему, как я убеждён, и учит наука, то тайна Искупления не является большею тайною, чем другие факты, которых мы также объяснить не в состоянии».

«Учёные не более иррелигиозны и не более враждебны христианству, чем неучёные. Я бы сказал даже: “менее, чем последние”. Ньютон, Фарадей, Брюстер, Стокс – образцовые христиане. Есть и ещё много вождей науки, которые могут быть с полным основанием названы блестящими примерами людей христианского типа».

«Если кто-либо утверждает, что наука и религия противоположны и что ученые иррелигиозны по тому только, что они учёные, то такое обобщённое утверждение ложно».

ЛИТЕРАТУРА

1. Haeckel's Critics Answered. – 1903.
2. Literary Guide, April. – 1905. – P. 57.
3. British Association Reports for 1861, 1863, 1864, 1869, 1871, 1872, 1873, 1876, 1879, 1882, 1884, 1886.
4. The Christian, December 16. – 1886.
5. British Association Reports. – 1889, 1890, 1895, 1897, 1902, 1907, 1909.
6. Stokes, Scientific Correspondence. – Vol. I. – P. 179
7. «Views of Modern Science» / by G. T. Manley. M. A.
8. Nature. August 18. – 1904.
9. The Use of Life.
10. Report Banks Union. – P. 11, 12.
11. Annual Report. – P. 36.
12. International Review. 1873. – P. 732.